

ВЕНГЕРСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОТ «ДЕЛА РАЙКА» ДО СМЕРТИ СТАЛИНА (1949–1953 гг.)*

Каори Кимура –

кандидат исторических наук,
ассоциированный исследователь
Института славяноведения РАН, Москва.
kaoritokagetora@gmail.com

Александр Сергеевич Стыкалин –

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН, Москва.
zhurslav@gmail.com

Аннотация

После фальсифицированного судебного процесса по делу Л. Райка (сентябрь 1949 г.), отличавшегося открытой антиюгославской и антититовской направленностью, отношения двух соседних государств — Венгрии и Югославии — достигают низшей точки. Массированная антиюгославская кампания, развернувшаяся в масштабах всего советского блока, достигла такого размаха и нанесла настолько сильные социально-психологические травмы югославскому обществу, что это весьма затруднило процесс сближения двух коммунистических режимов, медленно начавшийся после смерти Сталина.

Ключевые слова

Венгрия, Югославия, Тито, Сталин, Коминформ, «дело Райка», советско-югославский конфликт 1948 г., Восточная Европа, советский лагерь.

THE HUNGARIAN-YUGOSLAV RELATIONS: FROM THE RAJK TRIAL TO STALIN'S DEATH (1949–1953)

Kaori Kimura –

PhD, Associated Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow;
Balassi Institute, Budapest, Hungary.
kaoritokagetora@gmail.com

Alexander S. Stykalin –

PhD, Leading Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow.
zhurslav@gmail.com

Abstract

After the Rajk Trial of September 1949, with its clear anti-Yugoslav direction, the relations between the two neighbor states reached their low point. The psychological trauma inflicted by Yugoslavia during the massive anti-Titoist campaign turned out to be so severe that it disturbed the process of mutual rapprochement, which started very slowly after Stalin's death.

Keywords

Hungary, Yugoslavia, Josip Broz Tito, Stalin, Cominform, László Rajk Trial, Soviet-Yugoslav conflict of 1948, Eastern Europe, Soviet Block.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00573: Москва и Восточная Европа: Югославская модель социализма и страны советского блока, 1950–1960-е гг.).

Успешно развивавшиеся в первые послевоенные годы венгерско-югославские отношения¹ резко ухудшились весной 1948 г. с началом советско-югославского конфликта. В июне 1948 г. фактически всей полнотой власти в Венгрии овладевает компартия, объединившаяся с левыми социал-демократами в венгерскую партию трудящихся (ВПТ). Её руководитель М. Ракоши быстрее других коммунистических лидеров Восточной Европы, уже в апреле 1948 г., подключился к инициированной И.В. Сталиным массированной кампании, направленной на смену руководства компартии Югославии во главе с И.Б. Тито. Он всерьез опасался, что его прежняя близость с Тито даст Сталину повод для нанесения удара и по руководящей верхушке венгерской компартии. С лета 1948 г. в Венгрии с каждым месяцем набирает всё новые и новые обороты антиюгославская пропагандистская истерия в средствах массовой информации. Органы госбезопасности начинают повсеместно выискивать агентов режима Тито. Претерпевает коренную реорганизацию Демократический союз южных славян Венгрии, общественная организация, отстаивавшая интересы югославянских меньшинств. Руководство ВПТ взяло его под абсолютный контроль, не только полностью прервав все его связи с Белградом, но, более того, превратив этот союз в инструмент активной антиюгославской политики. К ее проведению всё активнее подключаются обосновавшиеся в Венгрии, как и в других странах формирующегося советского блока, «коминформовцы», порвавшие с командой Тито югославские коммунисты, другие оппоненты режима, разными путями бежавшие из страны².

Всего этого было, однако, недостаточно, чтобы развеять недоверие Сталина. Судя по имеющимся документам, в Москве продолжали выискивать крамолу в Будапеште, в советских партийно-идеологических структурах составлялись записки о «националистических», «правооппортунистических» тенденциях в деятельности ВПТ, имевшие много общего с теми, в которых характеризовалась деятельность югославской компартии. Они вполне могли быть востребованы в случае, если бы Сталин взял курс на замену венгерского коммунистического руководства. Так, в документе, относящемся к маю 1949 г., отмечалось, что «руководящие деятели партии и, в частности, т. М. Ракоши, заняли совершенно неправильную позицию

¹ См.: *Кимура К., Стыкалин А.С.* Венгрия и Югославия в 1945 г.: поиски путей преодоления противоречий между недавними военными противниками // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов.* М., 2015. С. 46–61; *Кимура К.* Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 гг. // *Славяноведение.* 2010. № 5. С. 53–64.

² См.: *Кимура К., Стыкалин А.С.* Венгерско-югославские отношения на рубеже 1940–1950-х гг.: от примирения недавних врагов к межгосударственному конфликту // *Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1946–1953 гг. Очерки истории / отв. редактор А.С. Аникеев.* М.; СПб., 2017. С. 214–269.

выжидания по работе с югославской эмиграцией и усиления борьбы против клики Тито, ожидая соответствующих указаний Москвы»³. Мы не знаем, насколько М. Ракоши был информирован о подобных оценках своей деятельности в Кремле и на Старой площади. Во всяком случае, он прилагал всё большие усилия для того, чтобы отвести любые обвинения Москвы в недостаточной лояльности, скрытых проюгославских симпатиях, попытках уклониться от общей внешнеполитической линии советского блока и магистрального, «советского» пути к социализму.

Летом 1949 г. Ракоши, стремившийся завоевать расположение Сталина, организовал в угоду официальной Москве и при помощи советских «экспертов»-силовикиков наиболее громкий в Восточной Европе показательный судебный процесс антиюгославской направленности — процесс по делу видного деятеля венгерской компартии Ласло Райка, позволивший вывести антиюгославскую кампанию в международном масштабе на новый уровень⁴.

Волна арестов началась в Венгрии с конца мая 1949 г. (она была, конечно, далеко не первой, начиная с 1945 г., но на сей раз ее жертвами стали не члены конкурирующих партий, включая союзников и попутчиков ВПТ, а высокопоставленные функционеры самой правящей партии, а также представители генералитета, близкие к компартии). В ходе фабрикации дела Л. Райка всего через допросы прошло более 200 человек, в том числе большая группа генералов и офицеров: параллельно с «делом Райка» велась подготовка другого судебного дела — о «военном заговоре» во главе с генералом Д. Палфи. В соответствии с разработанной концепцией, действия проюгославски настроенных генералов при прямой военной поддержке маршала Тито и усилия партийно-государственных функционеров во главе с Л. Райком рассматривались как звенья одной цепи в процессе достижения общей цели — захвата власти, устранения правящей верхушки во главе с М. Ракоши, установления проюгославского режима, а затем и реставрации капиталистических порядков.

Открытый политический спектакль по «делу Райка» начался 16 сентября 1949 г. во Дворце профсоюза металлистов в Будапеште в присутствии большого количества журналистов коммунистической прессы разных стран. В предварительно опубликованном обвинительном заключении

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 575. Оп. 1. Д. 188. Л. 25.

⁴ Из исторической литературы, в которой нашли отражение обстоятельства подготовки и проведения процесса по делу Райка, см.: *Желицки Б.Й.* Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // *Новая и новейшая история.* 2001. №2, 3; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). М., 2002; *Петров Н.В.* По сценарию Сталина: роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М., 2011.

группе подсудимых инкриминировалось руководство организацией, ставившей своей целью свержение народно-демократического строя, ликвидацию независимости Венгрии при вооруженной поддержке «банды Тито», отрыв страны от СССР. «Дело Райка» было представлено как заговор международного масштаба, все обвиняемые признали себя виновными, выступив в соответствии со сценарием с четко прописанными, заученными ролями. В признаниях акцент был сделан на югославские связи; выступавшие ссылались на якобы имевшие место непосредственные указания Тито и шефа югославской госбезопасности А. Ранковича, которые в свою очередь согласовывали все планы с США. Югославские связи «банды Райка» персонифицировала в зале суда очень удобная фигура бывшего дипломата Югославии, порвавшего со своим правительством, Л. Бранкова, который, как «выяснилось», завербовал еще в 1945 г. Л. Райка в югославскую разведку, зная о его симпатиях к Тито. С каждым днем, по мере выступлений подсудимых, всплывали всё новые и новые «коварные замыслы» лидеров соседнего государства — причем, в отношении не только Венгрии, но и других стран, особенно Чехословакии. Тесные связи Венгрии с Югославией в 1945–1947 гг., планы дунайского и балканского сотрудничества с венгерским участием — всё это подавалось как результаты сознательной подрывной работы Райка и его приспешников, завербованных Белградом.

О том, что «после окончания следствия Райка будем судить и приговорим к повешению», один из ближайших соратников Ракоши и организаторов судебного процесса министр обороны М. Фаркаш делился планами с советским эмиссаром еще 11 июля⁵. Однако вынесение окончательных судебных приговоров было согласовано с внимательно следившим за подготовкой процесса Сталиным, который в августе в ходе прямых контактов с представителями ВПТ (в том числе встречи с Ракоши 20 августа) и в переписке считал целесообразным предоставить своим венгерским вассалам видимое право самим определить меру приговора. В письме от 22 сентября в Будапешт в свете прозвучавших на показательном процессе признаний он четко сформулировал свое мнение: «Считаю, что Л. Райка надо казнить, так как любой другой приговор в отношении Л. Райка не будет понят народом»⁶. По сути дела, именно Сталин решил судьбу Л. Райка, хотя иногда, разыгрывая свой собственный спектакль, он делал вид, что предоставляет венгерской стороне самостоятельность не только в написании сценария процесса, подборе «актеров» на определенные роли, но и в постановке стратегических задач, связанных с судом над Райком в контексте продолжающейся антиюгославской кампании.

⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 2. М.; Новосибирск, 1998. С. 179.

⁶ Документ приводится и анализируется в послесловии В. Середы к книге: Сас Б. Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. М., 2003. С. 270.

Ласло Райк до самого конца процесса послушно играл роль, отведенную ему по сценарию. В последнем слове он осудил Тито и его «американских хозяев». Главный обвиняемый временами проявлял даже слишком большую готовность признать собственные преступления и, более того, выступить в качестве рупора для изложения официальной сталинско-коминформовской версии событий, что лишало судебную конструкцию самого минимума убедительности и заставило многих западных (и югославских⁷) наблюдателей решительно усомниться в достоверности полученных показаний, подозревая инсценировку. При этом проводились параллели с большими московскими процессами 1936–1938 гг., организованными, кстати, менее «топорно». По сообщениям западных посольств, многие венгерские коммунисты верили в невиновность Райка, который был довольно популярен в партийной среде⁸. В свою очередь, люди, далекие от партии, зачастую оставались безразличны к процессу, считая его внутренней разборкой в среде коммунистов.

Что заставляло этих людей оговаривать себя? В этом пытался позднее разобраться один из оставшихся в живых подсудимых, бывший зав. отделом печати МИД Венгрии и талантливый публицист Бела Сас в известной книге «Без всякого принуждения», написанной и впервые опубликованной в эмиграции⁹. Несомненно, наряду с угрозами применялись и другие, более иезуитские средства — стремление сыграть на коммунистической убежденности Райка, Бранкова и др., убедить их в том, что своими признаниями они окажут неоценимую услугу коммунистическому движению. Процесс нужен был для свержения власти Тито, не подчинившегося генеральной линии Москвы, и ради этого убежденных коммунистов просили взять вину на себя ввиду сложности международной обстановки. При этом нельзя исключать, что организаторы процесса обещали сохранить подсудимым жизнь и применительно к некоторым из них, кстати, выполнили свое обещание.

В советских внешнеполитических структурах не было полной удовлетворенности проведенным показательным процессом. Сотрудник внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б), курировавший Венгрию, С.Г. Заволжский, констатируя решение задачи по разоблачению Тито, вместе с тем выразил недоумение в связи с нелепостью отдельных сцен процесса, заставляющих усомниться в справедливости обвинений, а, значит, и в достоверности всей конструкции. Ему не понравилось, в частности, что некоторым подсудимым и, в первую очередь, самому Л. Райку «удалось разыграть из себя на процессе политических деятелей идейных людей. Часто Л. Райк выступал на процессе не как свидетель, а как лектор, дающий марксистский анализ про-

⁷ См.: *Кимура К., Стыкалин А.С., Якименко О.А.* Дело Райка 1949 г.: взгляд из Югославии // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II. Ставрополь, 2016. С. 243–273.

⁸ См.: *Желицки Б.Й.* Трагическая судьба Ласло Райка. С. 178–179.

⁹ См.: *Сас Б.* Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса.

шедших событий. Вряд ли целесообразно было давать подсудимым политически разглагольствовать, а тем более, когда преступники начали в своих выступлениях агитировать за Советский Союз, за вождя трудящихся М. Ракоши и т.д. Средний человек, слушая такое выступление, мог подумать, что это инсценировка»¹⁰. Эти слова полностью подтверждают справедливость впечатлений жившего в Югославии (и воспринимавшего процесс по изложению прессы) венгерского писателя и публициста Эрвина Шинко¹¹.

Сомнений на этот счет не было и у многих восточноевропейских коммунистов. Так, в документе от 30 сентября 1949 г. зафиксировано, что чехословацкие дипломаты в частных беседах со своими румынскими коллегами рассматривали процесс по «делу Л. Райка» как инсценировку, главную роль в подготовке которой сыграли московские «эксперты». «При этом они заявляют в частных беседах, что эта инсценировка подготовлена очень плохо, что в ней не сходятся концы с концами, что ряд фактов, приводимых на процессе, явно неправдоподобны, и вообще процесс совершенно недокументирован»; большие московские процессы также могли быть инсценированными, однако там всё же фигурировали более убедительные факты¹².

Смертные приговоры Л. Райку и еще двум подсудимым, вынесенные 24 сентября, были приведены в исполнение 15 октября. Более кровожадный Фаркаш предлагал высшую меру для всех подсудимых, но более предусмотрительный Ракоши с этим не согласился, исходя из сугубо прагматических соображений, — он вынашивал замыслы новых процессов. По его мнению, в частности, Л. Бранкову и некоторым другим необходимо было сохранить жизнь в интересах дальнейшего разоблачения «клики Тито» и ее венгерской агентуры (эта задача отнюдь не считалась исчерпанной), тогда как деятелю социал-демократии П. Юстусу — для выдвижения обвинений против некоторых бывших социал-демократов, устранение которых из политической жизни Ракоши считал делом времени. Новые судебные процессы действительно состоялись в 1950–1951 гг., хотя и не были открытыми, а антиюгославская составляющая в них, хотя и присутствовала, но не была доминирующей. Что же касается октября 1949 г., то не мифический, как Ласло Райк, а вполне реальный и непримиримый враг венгерского коммунистического режима кардинал Миндсенти, за полгода до этого поносившийся министром иностранных дел Л. Райком на пресс-конференции по случаю судебного процесса, приговорившего кардинала к пожизненному заключению, мог теперь наблюдать за его казнью из окна своей тюремной камеры, что отразил впоследствии в воспоминаниях¹³.

¹⁰ Докладная записка в Секретариат Информбюро от 29 сентября 1949 г. См.: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 2. С. 231–232.

¹¹ См.: Кимура К., Стыкалин А.С., Якименко О.А. Дело Райка 1949 г.: взгляд из Югославии.

¹² Из дневника советника посольства СССР в Югославии Г.П. Шнюкова. См.: Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953. Т. 2. М., 2002. С. 176.

¹³ *Mindszenty J. Emlékirátaim.* Budapest, 1990.

В дни процесса по «делу Райка» югославская пресса и агентство ТАНЮГ выступили с опровержением звучавших на нем обвинений в адрес белградского руководства. Так, еще накануне первого заседания суда, 15 сентября, газета «Борба» опубликовала протест 100 ветеранов югославской компартии, сражавшихся во время гражданской войны 1936–1939 гг. в Испании в рядах республиканских войск, по поводу предъявленных в предварительном опубликованном судебном заключении обвинений в адрес югославских лидеров. Среди подписантов был и К. Мразович, действующий посол Югославии в СССР, находившийся в это время в Белграде. В обвинительном акте по «делу Райка» было указано, что Мразович занимался «шпионской провокационной деятельностью в Испании и затем в концлагере», был тесно связан с Райком и позже, организовав (уже в роли посла в Венгрии) тайную (на самом деле мифическую) встречу Райка с Ранковичем в октябре 1948 г., на которой будто бы обсуждался план вооруженной оккупации Югославией части венгерской территории и «физического уничтожения» отдельных членов венгерского правительства (после этой публикации Мразович был объявлен в СССР персоной *non grata*, ему было запрещено возвращение в Москву)¹⁴. Именно с обвинениями в адрес югославов был связан наиболее серьезный «прокол» на показательном процессе — в ходе выступлений обвиняемых, в том числе самого Райка, был назван ряд членов КПЮ, которые якобы воевали вместе с Райком в Испании, хотя на самом деле их там не было. Речь идет в первую очередь о видном деятеле компартии, а позже Союза коммунистов Югославии, многолетнем члене ее руководства Светозаре Вукмановиче (известном также по партийной кличке Темпо)¹⁵. Всё это не только давало югославам повод для громких протестов, но и указывало лишний раз на явную надуманность обвинений, направленных на то, чтобы подлить масла в огонь антиюгославской истерии. Именно в таком ключе и комментировала процесс по делу Райка западная и югославская пресса.

Между тем проявленная Ракоши инициатива организации большого судебного процесса по «делу Райка», видимо, прибавила ему самоуверенности — амбициозный венгерский коммунистический политик претендовал на главную роль в проведении антиюгославской кампании в масштабе всей Восточной Европы, во всяком случае рассчитывал стать «первой скрипкой» в дирижируемом Сталиным оркестре. С этим были связаны направленные им уже в июле 1949 г. «для информации» в Прагу и Варшаву лидерам соответствующих компартий показания на некоторых видных функционеров этих партий, выбитые из Райка и других подсудимых. Так, чехам был пре-

¹⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 216–217.

¹⁵ «Прокол» с Вукмановичем, ставивший под сомнение правдоподобность всей конструкции, надолго запомнился советской партийной элите. Об этом можно судить по докладу Н.С. Хрущева на июльском Пленуме ЦК КПСС 1955 г., посвященному поездке в Белград государственной делегации СССР в целях нормализации советско-югославских отношений (См.: Исторический архив. 1999. № 2. С. 42).

доставлен список из 65 (!) человек, включая двух членов Политбюро ЦК компартии Чехословакии (КПЧ), министров внутренних дел, обороны и иностранных дел (соответственно, В. Носека, Л. Свободу и В. Клементиса), редактора газеты «Руде право» и др., тогда как в «польском» списке фигурировал даже попавший к этому времени в опалу виднейший деятель польского коммунистического движения В. Гомулка. Некоторые из этих показаний были действительно впоследствии востребованы в острой и подчас кровавой внутривнутрипартийной борьбе, особенно в Чехословакии (например, против В. Клементиса, арестованного в 1950 г. и казненного в 1952 г., хотя и в рамках судебного процесса не антиюгославской, а антисоциалистской направленности). Однако в самый канун суда над Райком попытка Ракоши взять на себя слишком большую роль, замахнувшись на политические фигуры первого ряда без согласования с руководителями соответствующих партий, вызвала недовольство в «братских партиях». Об этом свидетельствует, в частности, инцидент, произошедший в ходе контактов венгерских и чехословацких коммунистов.

3 сентября 1949 г., за неполные две недели до начала суда, в Прагу с письмом Ракоши президенту Чехословакии коммунисту К. Готвальду был послан функционер ВПТ З. Биро, близкий родственник Ракоши. Целью посылки особо секретного письма было подготовить чехословацких коммунистов к тому, что на открытом процессе по «делу Райка» могут всплыть имена многих видных работников КПЧ в качестве югославских и англо-американских шпионов. Чехи узнали еще в июле о том, что в ходе следствия выявляется компромат на членов КПЧ, однако теперь речь шла уже не просто о компромате, а об открытом разоблачении чехословацких коммунистов, осуществляемом вне контроля руководства КПЧ. По сути Ракоши предпринял шантаж лидеров КПЧ (с которыми имел свои давние счёты¹⁶), требуя заменить неугодных ему функционеров, «мешающих нам в работе». Речь шла о том, что венграм трудно вести совместную работу с Чехословакией как по линии МВД, так и по линии МИД, поскольку приходится передавать секретные сведения, которые тут же могут оказаться на столе у американцев¹⁷. Лидер ВПТ, таким образом, не просто советовался, а ставил

¹⁶ Планы выселения этнических венгров из Словакии, в целом поддерживавшиеся и КПЧ, входившей в правящую коалицию, привели к резкому осложнению отношений компартий двух соседних государств в 1945–1946 гг., трения между партиями сохранялись и позже. См.: Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. Документы и материалы. 1944–1951 гг. М., 2017.

¹⁷ По той же самой причине Ракоши, по его собственному признанию советским эмиссарам, в период подготовки «дела Райка» отказывался посылать сколько-нибудь секретную информацию в канцелярию Информбюро в Бухарест, поскольку полагал, что работавший там в газете «За прочный мир, за народную демократию» итальянский коммунист Дж. Пайетта («американский шпион», по его представлениям) тут же сделает ее достоянием западных спецслужб (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 95. Л. 209–210). Хотя арест Райка уже не был после июньского пленума ЦК ВПТ секретом, преждевременного разглашения деталей фабрикуемого судебного дела Ракоши явно не хотел.

руководителей компартии соседней страны перед фактом того, что вскоре на некоторых из них публично прозвучит громкий компромат, а во избежание неминуемого в таких случаях замешательства лучше еще до начала процесса по делу Райка арестовать генерала Свободу и еще ряд лиц, не внушающих официальному Будапешту доверия. Готвальд, разумеется, счёл унижительной саму идею, раздраженно предложив З. Биро передать Ракоши пожелание организовать процесс таким образом, чтобы он был ограничен только венгерскими и югославскими делами. В сценарий суда пришлось внести некоторые коррективы. В этой ситуации Ракоши донес в Москву о том, что чехи недооценивают международное значение «дела Райка», не хотят помочь в его осуществлении и считают, что венгры хотят втянуть их в какую-то подозрительную авантюру, чтобы облегчить свое собственное положение¹⁸. Позже, в марте 1950 г., венгерский лидер снова жаловался советскому представителю на то, что на все попытки венгерских властей указать, «что в правительстве и в руководстве коммунистической партии Чехословакии находятся шпионы и провокаторы, чехословацкие друзья не реагируют»; «венгерские власти передали чехословацким товарищам избыточный материал на министров иностранных дел, обороны и внутренних дел, однако мер никаких не принимается»¹⁹. В беседах с эмиссарами ВКП(б) Ракоши не мог не признать, что в результате его активности в деле разоблачения «шпионов» в рядах КПЧ отношения Венгрии с Чехословакией снова ухудшились²⁰, однако демонстрация Сталину и его окружению своей лояльности и решимости в борьбе с «титовистами» оставалась для него задачей более приоритетной. Даже свое пребывание в декабре 1949 г. в Москве на торжествах по случаю 70-летия Сталина Ракоши использовал не только для хвастливых высказываний о том, что «все должны учиться у венгров, как надо громить врага», но и для того, чтобы напомнить советским руководителям о присутствии сильной и до сих пор неразоблаченной титовской агентуры в Чехословакии²¹.

Вынесение смертных приговоров по «делу Райка» 24 сентября 1949 г. привело к дальнейшей эскалации напряженности в отношениях между Югославией и Венгрией, как и другими странами формирующегося советского блока. Правительство Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ) отреагировало на приговоры нотой от 24 октября²². Сама риторика венгерской ответной ноты от 26 сентября отражала не только крайнюю степень напряженности в двусторонних отношениях, но и следование установкам Москвы на еще большее раздувание конфликта. Как

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1362. Л. 9–16.

¹⁹ Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 141. Л. 31.

²⁰ Там же. Л. 147–149.

²¹ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 8.

²² Там же. Д. 1152. Л. 18–22.

утверждалось в документе, судебный процесс по делу «группы предателей венгерского народа» со всей неопровержимостью доказал, что подстрекателями заговора, направленного на ликвидацию ВНР и восстановление фашистского режима, выступали руководящие лица Югославии, что может быть расценено не иначе как беспрецедентный политический бандитизм. Ядро теперешнего руководства страны выступало сначала «агентурой гестапо», позже перешло на службу «англо-американским шпионским организациям», превратившись в конце концов в «штурмовой отряд империалистических поджигателей войны». Для проведения указаний о свержении правительства в Венгрию с ведома Райка (о чем шеф югославской госбезопасности А. Ранкович якобы тайно договорился с ним в ходе их мифической встречи, состоявшейся в октябре 1948 г.) будто бы были направлены под видом дипломатов югославские «специалисты», обещавшие Райку и его сообщникам вооруженную помощь; именно югославская миссия, по утверждениям МИД Венгрии, явилась центром заговора, она организовала развитую шпионскую сеть, делясь при этом материалом с западными миссиями, спровоцировала ряд кровавых пограничных инцидентов и т.д. Желая покончить со сложившимся «нетерпимым положением», венгерское правительство потребовало выезда в течение 24 часов с территории Венгрии членов югославской миссии в составе 10 человек, и это требование сопровождалось характерным пожеланием о том, чтобы «шпионы и убийцы не приезжали больше в Венгрию в качестве югославских дипломатических представителей». Особенно оскорбительный характер не только для лидеров ФНРЮ, но и для всех бойцов Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) имело противопоставление героических солдат Красной армии, проливавших кровь за освобождение Белграда, югославским руководителям, которые, якобы находясь на службе американских империалистов, были озабочены не борьбой с нацизмом, а организацией в Венгрии шпионской сети²³.

В конце сентября сначала СССР, а затем и страны «народной демократии» расторгают в одностороннем порядке договора о дружбе и сотрудничестве с Югославией. Венгрия 30 сентября расторгла договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Югославией, подписанный 8 декабря 1947 г. В ноте правительства ВНР, адресованной в Белград, со ссылкой на «неопровержимые факты, фигурировавшие на суде», отмечалось, что сам договор югославское правительство в момент заключения рассматривало как простой клочок бумаги, ведь в конце 1947 г. уже всюду велась подготовка заговора против венгерской «народной демократии», а сам договор был заключен югославской стороной с подлыми намерениями, являлся только средством прикрытия подрывной деятельности. Сама речь Тито при подписании договора была якобы не более чем попыткой пустить пыль в глаза.

²³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1152. Л. 18–22.

Встречаясь в те годы с югославами, венгерские руководители «тогда еще и не подозревали», что руководство этой страны проводит двуличную политику, и именно этим объяснимы прежние дружелюбные по отношению к нему заявления венгерских государственных деятелей²⁴.

В декабре 1949 г. Будапешт разорвал все экономические соглашения с Белградом и в том числе соглашение о товарообмене, срок действия которого истекал в марте 1950 г. При этом отмечалось, что заключение экономического и торгового соглашений не было с югославской стороны «подарком и милостью» в отношении Венгрии. Закрывая эти соглашения, Венгрия шла на «серьезные жертвы», согласившись на реорганизацию своей промышленности и крупные капиталовложения якобы именно в интересах югославского пятилетнего плана, т.е. руководствуясь исключительно желанием помочь югославскому народу. В Будапеште, как отмечалось в двусторонней дипломатической переписке, тогда еще не знали, что югославское правительство служило интересам не своего народа, а империалистов и заключило договор «со скрытым намерением ослабить венгерскую экономику»²⁵. Официальный Белград откликнулся на «дело Райка» и последующие антиюгославские акции, как Будапешта, так и Москвы, крайне жесткими заявлениями, в том числе об СССР как стране, экспортирующей виселицы (с намеком на преемственность «дела Райка» большим московским процессам 1930-х годов).

Западные державы реагировали на «дело Райка» и волну репрессий в Венгрии как на нарушение венгерским правительством определенных статей Парижского мирного договора 1947 г., в которых венгерской стороной брались на себя обязательства по обеспечению демократических свобод. Это нашло отражение и в дипломатической переписке 1949 г.²⁶. Вопрос

²⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1152. Л. 18–22.

²⁵ Там же.

²⁶ В мае 1949 г. США и Великобритания направили Венгрии вербальные ноты по поводу невыполнения ею статей мирного договора. В частности, венгерскому народу не предоставлены те права и свободы, которые он должен получить согласно статье 2 мирного договора: происходит преследование оппонентов власти, нарушается свобода слова. «Дело Райка» дало повод для новых нот. В ответных нотах (сентябрь 1949 г.) было заявлено, что венгерское правительство не видит противоречий между выполнением статьи 2 мирного договора об обеспечении свобод и предусмотренной в статье 4 борьбой против фашистских и профашистских элементов; напротив, последовательное выполнение обязательств по статье 4 является предпосылкой к тому, чтобы указанные в статье 2 права и свободы были реально обеспечены. В соответствии с аргументацией, отражавшей логику венгерской тоталитарной власти, материалы процессов по делам Миндсенти и Райка «ясно показывают, что антидемократические элементы организовали заговор с целью уничтожения завоеванных свобод и свержения демократического строя, они преследовали целью установить фашистский гнет. Венгрия не нарушает мирного договора, а напротив, действует в соответствии с его предписаниями, когда энергично подавляет подлых врагов демократии и свободы, занимающихся шпионажем и убийствами». Не ограничиваясь защитой

о нарушении Венгрией (так же как Румынией и Болгарией) статей мирных договоров, касающихся обеспечения прав человека, был поставлен и в ООН: 22 октября 1949 г. (всего через неделю после казни Л. Райка) Генассамблея приняла соответствующую резолюцию²⁷. Позиция СССР, озвученная министром иностранных дел А.Я. Вышинским, заключалась в том, что мероприятия по роспуску организаций фашистского типа и недопущению деятельности организаций, выступающих против демократических прав народа, не только не противоречат мирным договорам, но полностью им соответствуют²⁸. Попытка представить в этом контексте мнимую деятельность организованной титовской агентуры не была убедительна для представителей подавляющего большинства стран-членов ООН²⁹.

В свете процесса по «делу Райка» прежние официальные обвинения в адрес югославов, нашедшие отражение в резолюции второго совещания Коминформа (июнь 1948 г.), уже казались Сталину недостаточными. 16–19 ноября 1949 г. в Будапеште состоялось третье (последнее) совещание Коминформа, принявшее резолюцию «Компартия Югославии во власти убийц и шпионов». В ней утверждалось, что руководство Югославии установило в стране фашистскую диктатуру и является «наймитом империалистической реакции». Борьба против него была объявлена одной из важнейших задач коммунистических партий и всех «прогрессивных сил» в мире. Ставился вопрос о целесообразности создания в Югославии новой, подпольной компартии, которая была бы «революционной и интернационалистической», способной на «решительную борьбу» за освобождение «от ига узурпаторов». После третьего совещания Коминформа в странах советского блока поднялась кровавая волна репрессий, в каждой из них искали своих «Райков».

от предъявленных обвинений, МИД Венгрии переходил к контратаке, объяснив позицию Великобритании и США их враждебным отношением к независимости стран народной демократии, что проявилось в помощи их смертельным врагам (включая «клику Тито»), засылке шпионов и т.д. Не Венгрия, а сами западные державы якобы нарушают мирный договор, поддерживая «организованную антидемократическую деятельность». Согласно логике коммунистического режима, взятые Венгрией на себя при подписании мирного договора обязательства не ограничивают суверенитета страны, который будет защищаться «от всякого империалистического вмешательства». Содержалась ссылка и на проведенные под контролем однопартийной власти майские выборы 1949 г. в Госсобрание, якобы опровергнувшие тезис о том, что в сегодняшней Венгрии меньшинство осуществляет диктатуру над большинством. См.: Там же. Л. 30.

²⁷ Там же. Д. 1079. Л. 174–178.

²⁸ Там же. Л. 110. По мнению советской стороны, Генассамблея ООН вообще не компетентна рассматривать вопрос о соблюдении прав и свобод человека как относящийся исключительно к внутренней компетенции этих государств.

²⁹ Вопреки возражениям СССР было принято решение обратиться за юридическим заключением к соответствующим международным судебным инстанциям, и в 1950 г. была создана специальная юридическая комиссия для изучения толкования каждой из сторон положений мирного договора.

В Венгрии, согласно данным современных венгерских и сербских исследователей, по обвинениям ярко выраженной антиюгославской направленности были арестованы и предстали перед судом, приговорившим их к различным срокам тюремного заключения, не менее 5 тыс. человек³⁰. Гораздо большее число людей было подвергнуто административным преследованиям (включая переселения многочисленных неблагонадежных элементов, в том числе представителей южнославянских национальных меньшинств, из пограничных с Югославией районов в глубь страны). Обвинения антиюгославского характера (о мнимых связях подсудимых с агентурой Тито, сознательной подрывной деятельности в пользу Югославии) наряду с другими обвинениями включались в обвинительные заключения по целому ряду закрытых судебных процессов, в ходе которых Ракоши устранял теперь уже отнюдь не противников коммунистического режима (вроде кардинала Миндсенти), а часть коммунистической и левой элиты, стоявшей на пути утверждения его личной власти. Речь идет о процессе 1950 г. по делу бывших лидеров социал-демократии (Д. Марошана и др.), процессе 1950 г. по делу группы военных во главе с генералом Л. Шойомом, процессе 1951 г. по делу Я. Кадара, Д. Каллаи и ряда других активистов подпольной компартии в годы войны³¹.

«Дело Райка» дало толчок новым чисткам в ВПТ и очередным кампаниям по повышению бдительности³². В процессе чистки аппарата ЦК ВПТ, начатой еще в июне, вскоре после ареста Райка, из него удаляется около 50 человек³³. Не меньший масштаб приняли чистки на местах, где также усиленно выискивали неблагонадежных, проюгославских элементов. Материалы «дела Райка» заняли центральное место в пропаганде, как внутренней, так и рассчитанной на югославскую аудиторию. Заметно увеличиваются масштабы радиовещания из Венгрии на Югославию³⁴. Значимость стоявших перед агитпропом задач вновь актуализирует для Ракоши проблему качества собственной (т.е. находившейся в Венгрии) коминформовской политэмиграции, с их решением явно не справлявшейся. 31 января 1950 г. в беседе с советским эмиссаром Ракоши настойчиво просил прислать в Венгрию более компетентного руководителя местной югославской политэмиграции, а также

³⁰ Данные будапештского музея Дома террора.

³¹ Из документов, раскрывающих методы ведения этих дел, см. донесения советских советников в венгерских силовых структурах, например: Советский фактор... Т. 2. С. 360–364. Как читаем в записке министра госбезопасности В. Абакумова В. Молотову от 27 июня 1950 г. о ходе следствия по делу арестованных высокопоставленных лиц, Ракоши дал указание «вести следствие в направлении связи арестованных ... с кликой Тито». В течение одной ночи «искусственным», т.е. силовым путем от военных были получены такие показания. См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 46–52.

³² Этим были призваны заниматься созданные секретные отделы в структуре парткомов крупных парторганизаций. См.: РГАСПИ. Ф. 575. Оп.1. Д. 143. Л. 39.

³³ Там же. Л. 100.

³⁴ Там же. Д. 141. Л. 36.

ответственного редактора радиовещания на Югославию. Он заметил, что «нынешнее руководство югославской эмиграции в Венгрии неспособно осуществлять руководство эмиграцией, среди эмигрантов не пользуется авторитетом, и у ЦК ВПТ нет оснований ему доверять»³⁵. По словам Ракоши, он уже поднимал этот вопрос в ноябре 1949 г. в кулуарах будапештского совещания Информбюро в беседах с главой советской делегации М.А. Суловым и получил обещание, что нужные люди будут присланы. Он ставил также вопрос о более форсированном создании централизованного руководства югославской коммунистической эмиграции в масштабах всего советского лагеря. Оно должно было, по его мнению, с учетом опыта Коминтерна поддерживать связи с «истинно коммунистическим» подпольем в самой Югославии, оказывая ему помощь в организации партизанской борьбы.

В Москве такие проекты, безусловно, прорабатывались. Рассматривавшийся в качестве потенциального лидера эмигрантского руководства югославской компартии генерал авиации П. Попивода в дни процесса Райка находился в Будапеште, присутствовал на заседаниях суда. 15 сентября, т.е. в самый канун процесса, он был принят Ракоши, говорившим ему о распыленности усилий югославской политэмиграции, недостаточной централизованности коминформовского движения, наносящей ущерб его эффективности³⁶. При следующем посещении Будапешта, зимой 1950 г., Попивода советовался с Ракоши относительно линии, которую «подлинным коммунистам и патриотам» следовало занять в ходе намеченных на март выборов в Скупщину ФНРЮ (бойкотировать ли выборы или всё же попытаться провести своих кандидатов). На встрече с югославами-коминформовцами, обосновавшимися в Венгрии, Попивода в полусерьезной форме призывал их ввиду неминуемого, по его мнению, краха титовского режима начать готовить себя к занятию ответственных должностей в Югославии³⁷. Он привел в качестве примера деятельность в московской эмиграции самого Ракоши и его венгерских соратников до 1945 г. В ходе поездок Попиводы по странам «народной демократии» и его встреч с эмигрантскими группами в полной мере проявлялись его политические амбиции. Так, в одной из бесед он выразил надежду на то, что уже весной 1950 г. будет создано, наконец (эту идею поддерживал и Ракоши), единое руководство всей югославской коммунистической эмиграции и его, Попиводу, признают в качестве полномочного представителя Югославии в Информбюро — тогда у него будет иной политический вес и можно будет по-другому ставить вопросы, в частности, перед руководством Румынии, на территории которой функционировали

³⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп.1. Д. 141. Л. 31–32. Такое же мнение существовало и в аппарате Коминформа (Там же. Д. 160. Л. 39).

³⁶ Там же. Д. 95. Л. 209–210.

³⁷ Там же. Д. 160. Л. 39.

основные коминформовские структуры³⁸. Москва, однако, не торопилась с повышением статуса Попиводы, а тем более с созданием альтернативного ЦК КПЮ и эмигрантского правительства; очевидно, в окружении Сталина осознавали слабый политический потенциал как самого Попиводы, так и всей его команды. Вопрос о провозглашении новой КПЮ и избрании ее ЦК не был решен ни на одной из проведенных в 1950–1952 гг. конференций югославской политэмиграции, функционировавшей в масштабе всего советского блока. Перед коминформовцами, обосновавшимися в Венгрии, Попивода и далее мог позиционировать себя всего лишь как руководитель координационного центра югославских революционных эмигрантов. Не имел статуса партии и образованный вскоре после смерти Сталина, на исходе антиюгославской кампании, так называемый «Союз югославских патриотов по освобождению народов Югославии от фашистского гнета клики Тито-Ранковича и империалистической неволи», возглавлявшийся всё тем же генералом Попиводой.

«Дело Райка» и решения третьего совещания Коминформа создали самый благоприятный фон для идеологического наступления в области духовной культуры, направленного на устранение любых проявлений марксистской и левой мысли, не совпадавших с идеологией ортодоксального сталинизма. Дирижировал этой кампанией главный идеолог партии Й. Реваяи, входивший в ближайшее окружение Ракоши. В 1950 г. ликвидируется целый ряд литературно-общественных журналов, в том числе журнал «народных писателей», близких к национальной крестьянской партии, «Válasz» («Ответ»), вокруг которого группировались крупные литераторы, публицисты, ученые-гуманитарии, деятели культуры, в том числе классик национальной литературы Д. Ийеш³⁹. Если левые «народники» обвинялись в национализме, то один из крупнейших философов-марксистов XX в. Д. Лукач — «в буржуазном космополитизме». Редактируемый им журнал «Fórum» закрывается. 11 июля 1949 г. в процессе подготовки «дела Райка» Фаркаш в беседе с эмиссаром ВКП(б) С. Заволжским не скрывал своих планов: «После окончания “дела о Райке”... возьмемся за идеологические вопросы. Прежде всего мы должны разоблачить идеалиста и космополита — Лукач Дьердь. С этой целью в центральной газете и теоретическом органе партии будет напечатано несколько статей по различным теоретическим вопросам. Затем будет вынесено решение Политбюро. Все трудности состоят в том, что у нас очень мало подготовленных теоретически товарищей»⁴⁰. В начале осени в венгерской прессе была развязана кампания критики философских и эстетических концепций Лукача, возымевшая

³⁸ РГАСПИ. Ф. 575. Оп.1. Д. 160. Л. 38.

³⁹ Всего по политическим мотивам в Венгрии в этот период было закрыто более 80 печатных изданий.

⁴⁰ Там же. Д. 188. Л. 148.

международный резонанс. Инициировавшая ее статья Л. Рудаша вышла в свет в теоретическом журнале ВПТ «Társadalmi Szemle» («Общественное обозрение») буквально в дни суда над Райком⁴¹. Сам Лукач в день казни Райка находился в Риме на философском форуме, организованном итальянской компартией. Не пойдя по пути выдающегося леволиберального политика М. Каройи, окончательно порвавшего в те дни с венгерским коммунистическим режимом и навсегда оставшегося в эмиграции, он сделал иной выбор, в целом поддержав в своих интервью западным журналистам политику правящей партии, что не уберегло его, однако, от последующих гонений⁴².

Вследствие процесса по «делу Райка» резко возросла напряженность на венгерско-югославской границе⁴³. Один из инцидентов произошел вскоре, 26 октября, когда группа югославских пограничников продвинулась на венгерскую территорию, началась перестрелка. С точки зрения властей ВНР, выступивших с официальным заявлением, этот инцидент был специально инсценирован для того, чтобы дать возможность югославскому представителю в ООН А. Беблеру (фигурировавшему на процессе Райка в качестве «троцкистского провокатора») выступить с очередной «провокационной речью» с трибуны ООН⁴⁴. Этот инцидент, далеко не единственный в своем роде, широко использовался в пропаганде против титовской Югославии⁴⁵.

⁴¹ См. подробнее: *Стыкалин А.С. Дьёрдь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001; Он же. Дьёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. 2009. №1.*

⁴² См. более поздний, относящийся к 1969 г. отзыв Лукача о Райке и его «деле» 1949 г. По мнению крупнейшего философа, процесс был прежде всего организованной Ракоши превентивной акцией, направленной на нейтрализацию серьезного соперника, не просто сильного в аппаратных играх, но обладавшего реальным влиянием и реальной поддержкой в пролетарской среде. См.: *Lukács György. Curriculum vitae. Budapest, 1982. 310 o.*

⁴³ См.: *Хорняк А. Венгеро-югославская пограничная полоса в годы разрыва И.В. Сталина и Й. Броза Тито // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II. Ставрополь, 2016. С. 209–222.*

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1152. Л. 33–34. См. также в тенденциозном изложении Ракоши в его мемуарах: *Исторический архив. 1997. № 3.*

⁴⁵ При этом давалось следующее объяснение причин таких инцидентов: содержание полумиллионной армии налагает невыносимое бремя на нищенствующий югославский народ, в то время как янычары Тито купаются как «сыр в масле». Такими инцидентами руководители страны стремятся создать впечатление, что Югославии угрожает нападение извне, для отражения его необходима большая армия, а потому народу неизбежно придется нищенствовать и голодать. Другая цель — добиться того, чтобы американцы предоставляли помощь своим попавшим в затруднительное положение вассалам. Но те, в свою очередь, не торопятся оказывать помощь, зная о непрочности господства Тито. Такими пограничными инцидентами «попрошайничающий Тито побуждает к новым милостыням своих хозяев, которые держат его и его правительство как цепных собак в своих руках» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1152. Л. 35). Те же риторические фигуры о югославском народе, пребывающем в нищете, в то время как «янычары Тито купаются в молоке и масле», имелись и в речи Ракоши в присутствии главы советской делегации,

Антиюгославская линия в пропаганде ВПТ оставалась магистральной на протяжении нескольких последующих лет, о чем можно судить не только по прессе, но и по системе политпросвещения. Согласно инструкциям министерства просвещения, организаторов выставок призывали показывать, насколько изменилась в позитивную сторону жизнь венгерского народа в сравнении с югославским народом, «стонущим под гнетом клики Тито», тогда как клубным работникам на селе предписывалось шире использовать в художественной самодеятельности сатирические частушки, разоблачающие югославского лидера⁴⁶.

Официальная историческая наука получает заказ пересмотреть роль командования НОАЮ, которую отныне было принято трактовать как силу, якобы обслуживавшую вермахт, гасившую антифашистские настроения в партизанской среде и сознательно препятствовавшую освобождению Белграда Красной армией⁴⁷. Политическая конъюнктура, таким образом, требовала, чтобы миллионы людей «забыли» о том, на чьей стороне воевала НОАЮ под предводительством маршала Тито. Оказывается, вся освободительная борьба народов Югославии была чистой водой, никакого вооруженного сопротивления якобы не было, одна имитация, ведь во главе его стояли не антифашисты, а лица, якобы действовавшие по приказу гестапо. На самом деле эффективность такого рода пропаганды не была высока, ведь прошло всего четыре года после окончания Второй мировой войны, еще не зажили раны и были совершенно свежи у всех воспоминания о войне и раскладе сил на полях сражений. Для того, чтобы объявить Тито и его окружение союзниками нацистской Германии, надо было оскорбить миллионы живых участников героической эпопеи, назвав их в лучшем случае слепыми жертвами гитлеровской провокации, и фальсифицировать

члена Политбюро ЦК ВКП(б) маршала К.Е. Ворошилова на торжествах в апреле 1950 г. по случаю пятилетия завершения освобождения Венгрии Красной армией: «С помощью террора, превзошедшего гестаповский, они преследуют самых верных борцов за югославскую народную свободу и как цепные собаки по первому кивку своих империалистических господ они готовы броситься на соседние мирные народы, строящие социализм. Процессы по делу Райка и Костова во всей наготе показали это и осветили подлые планы этой фашистской шпионской банды» (Там же. Ф. 74. Оп. 2. Д. 60. Л. 60). Вся эта антититовская риторика в полной мере поддерживалась и приехавшими в Венгрию высокопоставленными советскими посланцами. Так, Ворошилов говорил о том, что империалистам с помощью «шпионов из фашистской клики Тито-Ранковича удалось временно перетащить в свой дурно пахнущий лагерь Югославию», после этого титовцы нанесли предательский удар в спину и греческому освободительному движению. Народы Югославии, по представлениям маршала, «обречены на голод, нищету и лишения, которых они не испытывали и в самые мрачные прошлые времена» (Там же. Л. 38).

⁴⁶ Póth P. A kollektívizálás szolgálatában álló kultúrpolitika // Tanulmányok a szocialista mezőgazdaság kialakulásáról. Budapest, 1988. 520, 528 o.

⁴⁷ Конкретные примеры таких трактовок в венгерской историографии начала 1950-х годов см. в венгерской главе книги: Марксизм и историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1870-1965). М., 1993.

всю историю Второй мировой войны, поставив фундаментальные вещи с ног на голову. Даже в Венгрии (стране с иным восприятием войны, где вследствие содействия нацистской Германии пересмотру неприемлемого для миллионов венгров Трианонского договора так и не удалось создать массовое движение сопротивления) хорошо осознавались вся лживость и фарсовость объявления Тито нацистским агентом — ведь о том, на чьей стороне воевала НОАЮ, венгры знали не из газет, а на основе собственного, пережитого и весьма драматического опыта. Контр-эффективность антиюгославской пропагандистской кампании в том виде, в каком она проводилась, осознавалась и в окружении Сталина. Позже Н.С. Хрущев на закрытых партийных форумах неоднократно называл в качестве наглядного примера неразумной сталинской внешней политики именно абсурдные обвинения в адрес югославы (как можно было обвинять их в том, что они воевали на стороне Германии, хотя всем известно, что уж они-то сражались с фашистами так, как «дай Бог каждому»), говорил он, в частности, на майском пленуме ЦК КПСС 1958 г.⁴⁸

На протяжении всех лет советско-югославского и венгерско-югославского конфликта остро стояли спорные пограничные вопросы. Для урегулирования некоторых из них⁴⁹ югославская сторона предложила организовать смешанную комиссию с участием топографов и геодезистов. В Будапеште запрашивали мнение Москвы, «будет ли политически целесообразно с точки зрения международной ситуации сидеть в настоящее время за одним столом с югославами даже по такому сравнительно незначительному вопросу»⁵⁰. Вопросы были решены лишь после 1953 г.

Югославы, опасаясь провокаций, пододвинули к границе с Венгрией дополнительные воинские соединения. С обеих сторон границы было сосредоточено большое количество войск и боевой техники, что только увеличивало угрозу военного конфликта. Выстраиваются мощные линии заградительных технических сооружений⁵¹. Венгерское правительство попросило СССР увеличить советский воинский контингент, находившийся на территории Венгрии в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г. для поддержания коммуникаций с советской зоной оккупации в Австрии, и эта просьба была выполнена. Численность венгерской армии также увеличивается, вопреки положениям мирного договора, более чем

⁴⁸ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 31–36.

⁴⁹ Один из них был связан с принадлежностью небольшого острова на р. Мура, где Венгрия разместила военное сооружение. Югославы в ноте от 4 января 1952 г. ставили вопрос о выводе венгерских солдат с этого острова, принадлежащего Югославии. См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1152. Л. 138.

⁵⁰ Там же. Л. 135.

⁵¹ См. подробно об этом: *Orgoványi I. Border Defence on Southern Hungary (1948–1953) // Big Brother's Miserable Little Grocery Store. Studies on the History of the Hungarian Secret Services after World War II. Budapest, 2012. P. 153–170.*

в половину — до 120 тыс. человек, на вооружении находилось 700 боевых машин (правда, наиболее квалифицированные генералы были к началу 1950-х годов репрессированы, их места заняли люди более низкой квалификации). Очень большое внимание в обстановке антиюгославской истерии уделялось военной подготовке венгерской молодежи. Наряду с антиюгославской кампанией фактором, предопределившим резкое увеличение государственных расходов как на вооружение, так и на боевую подготовку армии и гражданского населения, явилась начавшаяся в 1950 г. война в Корее, с которой связывали опасения перерастания локального военного конфликта в крупномасштабный межблоковый. В сентябре 1950 г. Ракоши был принят Сталиным, призвавшим венгерского коммунистического лидера уделить основное внимание состоянию вооруженных сил и повышению их обороноспособности⁵². В январе 1951 г. состоялось известное совещание у Сталина лидеров компартий и министров обороны стран советской сферы влияния в Восточной Европе, на котором каждой из стран были навязаны завышенные показатели расходов на тяжелую индустрию (особенно ее оборонные отрасли), что легло тяжким бременем на население⁵³. Вкладывая большие средства не только в оборонную промышленность, но и в военную подготовку молодежи, тоталитарная коммунистическая власть по иронии истории сама готовила себе могильщика. Молодые венгры, получившие в условиях антиюгославской истерии начала 1950-х годов профессиональные навыки воинского дела, прекрасно проявили свое умение на практике в ходе венгерского восстания осенью 1956 г.

Таким образом, интенсивное многостороннее сотрудничество Венгрии и Югославии, в полном объеме наладившееся как раз к весне 1948 г., в течение считанных месяцев уступило место с обеих сторон растянувшимся на несколько лет крупномасштабным идеологическим акциям разоблачительной направленности, осуществлявшимся в соответствии с актуальным политическим заказом. Нанесенные при этом Югославии психологические травмы оказались настолько тяжелыми, что весьма затруднили новый процесс взаимного сближения, очень медленно начавшийся со второй половины 1953 г., вскоре после смерти Сталина⁵⁴. В неминувости нового поворота на югославском направлении с каждым годом могло быть всё меньше сомнений, как в Будапеште, так и в Москве. Ведь чем ожесточеннее становилась антиюгославская кампания, тем сильнее консолидировалось на основе поддержки власти Тито и его команды весьма проблемное многонациональное югославское общество, «забыв» на время об острых межэт-

⁵² См. запись беседы посла СССР Е.Д. Киселева с членом Политбюро ЦК ВПТ Э. Герё от 29 сентября 1950 г.: Советский фактор... Т. 2. Док. 140.

⁵³ Его описывает и Ракоши в своих мемуарах: Исторический архив. 1997. № 5-6.

⁵⁴ См.: *Стыкалин А.С.* Советско-югославское сближение (1954 — лето 1956 гг.) и внутриполитическая ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб., 2002. С. 323-345.

нических распрях и взаимных сербо-хорватских и прочих обидах. Сам Сталин потерял интерес к Коминформу, видимо, осознав его неэффективность в деле достижения главной своей цели — искоренения югославского вызова, чреватого опасной для Москвы децентрализацией мирового коммунистического движения. После ноября 1949 г. большие совещания Коминформа не созывались, а после ноября 1950 г. не заседал и его секретариат. Деятельность аппарата Информбюро, чем далее, тем более, сводилась к выполнению функций второстепенного механизма обеспечения Москвы информацией и к изданию всё менее влиятельной газеты «За прочный мир, за народную демократию», вяло пережёвывавшей прежние стереотипные обвинения в адрес «предательской клики» Тито. Незавидной оказалась и судьба коминформовской политэмиграции, оказавшейся совершенно не у дел уже в 1954 г.

С другой стороны, под давлением Москвы, взявшей курс на сближение с Белградом, режим Ракоши уже осенью 1955 г. сначала признает несправедливость прозвучавших на процессе по «делу Райка» антиюгославских обвинений, а весной 1956 г. реабилитирует самого Райка. На волне XX съезда КПСС его мифологизированный образ стал одним из символов венгерской десталинизации, а торжественное перезахоронение его останков 6 октября (когда многие тысячи людей вышли на улицы, почувствовав в себе достаточно сил для открытого сопротивления диктатуре) по сути явилось прологом венгерской революции, потрясшей сами основы коммунистической власти.

Даже самый последовательный в постсталинском руководстве сторонник сохранения преемственности прежнему курсу В.М. Молотов прямо признал на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г.: лобовая атака на Югославию потерпела крах, югославское руководство оказалось «крепким орешком», устояв перед напором, а потому необходимо отказываться от прежней, не оправдавшей себя тактики и восстанавливать нормальные отношения с Югославией на уровне стандартных отношений с «буржуазным государством»⁵⁵. Внести раскол в югославское общество по большому счету не удалось, процесс по «делу Райка», как и вся антититовская кампания, явились в конечном итоге поражением Сталина, продемонстрировав всему миру его неспособность решить поставленную задачу, важную для сохранения Москвы в качестве единственного центра мирового коммунистического движения. Курс на нормализацию отношений с титовской Югославией становится после 1953 г. одним из приоритетных направлений советской внешней политики (а вслед за ней и внешней политики стран «народной демократии»), причем, на этом пути Москву ждали как видимые успехи, так и серьезные разочарования.

⁵⁵ См.: Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953-1956 годах. М., 2008. Глава I.

Литература

1. Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. Документы и материалы. 1944–1951 гг. / Сост.: д.и.н. Г.П. Мурашко, С.М. Слоистов. М.: РОССПЭН, 2017.
2. Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). М.: РОССПЭН, 2002.
3. Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. 1944–1953 / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
4. Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М.: Наука, 2008.
5. Желицки Б.Й. Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 2, 3.
6. Исторический архив. 1997. № 5–6.
7. Исторический архив. 1999. № 2.
8. Кимура К. Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 гг. // Славяноведение. 2010. № 5.
9. Кимура К., Стыкалин А.С., Якименко О.А. Дело Райка 1949 г.: взгляд из Югославии // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016.
10. Кимура К., Стыкалин А.С. Венгерско-югославские отношения на рубеже 1940–1950-х гг.: от примирения недавних врагов к межгосударственному конфликту // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1946–1953 гг. Очерки истории / Редакционная коллегия: д.и.н. Т.В. Волокитина, к.и.н. Л.С. Анисеев (отв. ред.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
11. Кимура К., Стыкалин А.С. Венгрия и Югославия в 1945 г.: поиски путей преодоления противоречий между недавними военными противниками // Славянский мир в третьем тысячелетии. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов / отв. ред. Е.С. Узенёва. М.: Институт славяноведения РАН, 2015.
12. Петров Н.В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2011.
13. Сас Б. Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. М.: Комментари, 2003.
14. Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953. Т. 2. 1949–1953 гг. / ред. коллегия тома: Т.В. Волокитина (отв. ред.), Г.П. Мурашко, О.В. Наумов, А.Ф. Носкова, Т.В. Царевская. М.: РОССПЭН, 2002.
15. Стыкалин А.С. Дёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. 2009. №1.
16. Стыкалин А.С. Дьердь Лукач — мыслитель и политик. М.: Степаненко, 2001.
17. Стыкалин А.С. Советско-югославское сближение (1954 – лето 1956 гг.) и внутривосточная ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века / отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб.: Алетейя, 2002.

18. Хорняк А. Венгеро-югославская пограничная полоса в годы разрыва И.В. Сталина и Й. Броза Тито // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016.
19. Lukács György. Curriculum vitae. Budapest: Magvető K., 1982.
20. Mindszenty J. Emlékirátaim. Budapest: Hunikum, 1990.
21. Orgoványi I. Border Defence on Southern Hungary (1948–1953) // Big Brother's Miserable Little Grocery Store. Studies on the History of the Hungarian Secret Services after World War II / eds: G. Gyarmati and M. Palasik. Budapest: L'Harmattan, 2012.
22. Póth P. A kollektívizálás szolgálatában álló kultúrpolitika // Tanulmányok a szocialista mezőgazdaság kialakulásáról / szerk. Orbán Sándor, Pölöskei Ferenc. Budapest: MSZMP KB TTI: ELTE, 1988.

References

1. Edemsky, A.B., 2008. *Ot konflikta k normalizatsii. Sovetsko-iugoslavskie otnosheniia v 1953–1956 godakh*. Moscow: Nauka.
2. *Istoricheskii arkhiv*, 1997, 5–6.
3. *Istoricheskii arkhiv*, 1999, 2.
4. Khorniak, A., 2016. Vengero-iugoslavskaiia pogranichnaia polosa v gody razryva I.V. Stalina i I. Broza Tito. *Rossiiia i Vengriia na perekrestkakh evropeiskoi istorii*. Вып. II. Stavropol': Izd-vo SKFU.
5. Kimura K., 2010. Pod znakom dunaiskogo sodruzhestva. Vengersko-iugoslavskie kul'turnye sviazi v 1945–1948 gg. *Slavianovedenie*, 5.
6. Kimura K., Stykalin A.S., Iakimenko O.A., 2016. Delo Raika 1949 g.: vzgliad iz Iugoslavii. *Rossiiia i Vengriia na perekrestkakh evropeiskoi istorii*, vyp. II. Stavropol': Izd-vo SKFU.
7. Kimura, K., Stykalin, A.S. 2015. Vengriia i Iugoslaviia v 1945 g.: poiski putei predoleniia protivorechii mezhdru nedavnimi voennymi protivnikami. In: Uzeneva E.S. ed, 2015. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii. Ratnyi podvig i mirnyi trud v istorii i kul'ture slavianskikh narodov*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
8. Kimura K., Stykalin A.S., 2017. Vengersko-iugoslavskie otnosheniia na rubezhe 1940–1950-kh gg.: ot primireniia nedavnikh vragov k mezhgosudarstvennomu konfliktu. In: Anikeev, A.S., Volokitina, T.V. eds, 2017. *Moskva i Vostochnaia Evropa. Sovetsko-iugoslavskii konflikt i strany sovetskogo bloka, 1946–1953 gg. Ocherki istorii*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.
9. Lukács, G., 1982. *Curriculum vitae*. Budapest: Magvető K.
10. Mindszenty, J., 1990. *Emlékirátaim*. Budapest: Hunikum.
11. Murashko, G.P. ed., 1998. *Vostochnaia Evropa v dokumentakh rossiiskikh arkhivov. T. 2. 1944–1953*. Moscow; Novosibirsk: Sibirskii khronograf.
12. Murashko, G.P., Sloistov, S.M. eds, 2017. *Vengerskoe natsional'noe men'shinstvo v Chekhoslovakii v kontekste mezhgosudarstvennykh otnoshenii. Dokumenty i materialy. 1944–1951 gg*. Moscow: ROSSPEN.
13. Orgoványi, I., 2012. Border Defence on Southern Hungary (1948–1953). In: Gyarmati, G. and Palasik M. eds, 2012. *Big Brother's Miserable Little Grocery Store. Studies on the History of the Hungarian Secret Services after World War II*. Budapest: L'Harmattan.

14. Petrov, N.V., 2011. *Po stsenariiu Stalina: rol' organov NKVD–MGB SSSR v sovetizatsii stran Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy. 1945–1953 gg.* Moscow: ROSSPEN.
15. Póth, P., 1988. A kollektivizálás szolgálatában álló kultúrpolitika. In: Orban, S., Pölöskei, F. szerk., 1988. *Tanulmányok a szocialista mezőgazdaság kialakulásáról.* Budapest: MSZMP KB TTI: ELTE.
16. Sas, B., 2003. Bez vsiakogo prinuzhdeniia. Istoriia odnogo sfabrikovannogo protsessa. Moscow: Kommentarii.
17. Stykalin, A.S., 2001. György Lukács — *myslitel' i politik.* Moscow: Stepanenko.
18. Stykalin, A.S., 2002. Sovetsko-iugoslavskoe sblizhenie (1954 — leto 1956 gg.) i vnutripoliticheskaia situatsiia v Vengrii. In: Litavrin, G.G. ed., 2002. *Chelovek na Balkanakh v epokhu krizisov i etnopoliticheskikh stolknovenii XX veka.* Saint Petersburg: Aleteiia.
19. Stykalin, A.S., 2009. György Lukács kak literaturoved, filosof i politik: vzgliad iz Moskvy v 1940–1970-e gody. *Voprosy literatury*, 1.
20. Volokitina T.V., Murashko G.P., Noskova A.F., Pokivailova T.A., 2002. *Moskva i Vostochnaia Evropa. Stanovlenie politicheskikh rezhimov sovetskogo tipa (1949–1953).* Moscow: ROSSPEN.
21. Volokitina, T.V., Murashko, G.P., Naumov, O.V., Noskova, A.F., Tsarevskaia, T.V. eds, 2002. *Sovetskii faktor v Vostochnoi Evrope, 1944–1953.* T. 2. 1949–1953 gg. Moscow: ROSSPEN.
22. Zseliczky, B.I., 2001. Tragicheskaiia sud'ba Laslo Raika. Vengriia 1949 g. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2, 3.